

Лесия Корнуолл

Мимолетная страсть

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6061123
Мимолетная страсть: [роман] / Лесия Корнуолл: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078977-1

Аннотация

Изабель Мейтленд, графиня Эшдаун – идеальная молодая вдова.

По мнению родственников покойного мужа, ей надлежит вступить в новый брак, причем независимо от собственного желания.

Однажды Изабель в отчаянии решает позволить себе одну ночь безумства и знакомится на карнавале с Финеасом Арчером, маркизом Блэквудом.

Маркиз страстно влюбляется в прекрасную незнакомку, ничего о ней не зная. А далее возникают подозрения, что Изабель состоит в заговоре против короны. Отныне маркиз не находит себе места...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	43
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лесия Корнуолл

Мимолетная страсть

© Lecia Cotton Cornwall, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

Изабель Мейтленд, графиня Эшдаун, наблюдала за этим мужчиной, как грошова шляха. Ей бы следовало устыдиться, ведь она не могла допустить, чтобы ее застали за чем-нибудь предосудительным, пусть даже и такой мелочью, как разглядывание на балу привлекательного джентльмена.

Скрывая лицо за маской, Изабель стояла в тени, в углу переполненного бального зала Эвелин Реншоу. Она чувствовала себя невидимкой – и с искренним удовольствием наслаждалась открывающимся ей видом.

Джентльмен был высок, худощав и красив, с подтянутым атлетическим телом, предназначенным для всех до единого грехов, в которых его постоянно обвиняли. Его глаза искрились из-под черной полумаски, когда он обращался к окружавшим его восторженным дамам. Он усмехался, сверкая зубами и ямочками на щеках, достаточно глубокими, чтобы в них утонуть, и сердце Изабель трепетало – а затем замерло, стоило одной из поклонниц прижаться своей пышной грудью к его руке.

С точки зрения Изабель, самым завораживающим в нем был его рот. Она смотрела, как изгибаются и подрагивают его губы, когда он очаровывает эту словно загипнотизированную толпу разодетых леди, и чувствовала, что ее собственные губы подрагивают в ответ. Внезапно зардевшиеся щеки, изумленный взгляд, поджатые накрашенные губы, то, как они обмахивают веером разгоряченные лица, – все это выдавало их с головой. Повеса только усмехался, глядя на этот фурор, вызванный его присутствием.

Изабель точно знала, кто скрывается под этой маской, она слышала все сплетни о том, на что осмеливались эти греховные губы, на что способен этот решительный, насмешливый и мужественный рот. Она восхищалась им, подглядывая из тени во время других светских приемов, даже воображала, как флиртует с ним, но до сегодняшнего вечера не решалась наблюдать за ним так дерзко. Изабель провела пальцем по накрахмаленному кружеву, обрамлявшему ее маску, и порадовалась своей надежной защите.

Финеас Арчер, маркиз Блэквуд, пользовался дурной славой, обладал титулом, был богат и весьма опасен для любой хорошо воспитанной леди. Несмотря на репутацию, его знаменитая фамилия, огромное состояние деда и статус наиболее завидного холостяка Англии делали его желанным гостем в приличном обществе. Благодаря его «верительным грамотам» светское общество охотно закрывало глаза на «приключения» маркиза, в особенности сейчас, когда лондонский сезон только начался и новый урожай дебютанток устремился в город в поисках мужей. Блэквуд пользовался огромным спросом.

Однако Изабель ясно видела, что в элегантном бальном зале Эвелин он совершенно не к месту. Несмотря на аристократическое происхождение и превосходного портного, Финеас казался резким и угловатым. Изабель казалось, что он, будто хищник, окидывает взглядом помещение в поисках жертвы.

Блэквуд наклонился, зашептав что-то на ушко стоявшей рядом леди, и она слегка покачнулась. Он привычным движением подхватил ее под локоток, не дав упасть в обморок.

Изабель улыбнулась: он очень хорошо изображает распутника.

Будь она азартным игроком, Изабель билась бы об заклад, что имя Блэквуда возглавляет список возможных женихов любой дебютантки с мечтательным взором. И разумеется, каждая мамаша верила, что именно ее милая невинная доченька пленит и укротит порочного маркиза и наконец-то окольцует его. Но в реальности пусть не сами прекраснородные дочери-мечтательницы, но уж их мамыши точно понимали, что если целомудренная невеста и не сумеет удовлетворить необузданного маркиза, то по крайней мере богатство мужа заставит ее закрывать глаза на скандалы.

Стоя на своем месте, в дальнем незаметном углу, Изабель думала, что будет очень жаль, если кто-нибудь все же сумеет обуздать дьявольски элегантного и беззаботного маркиза. Хотя возможно ли это?

По сравнению с рассказами о его эскападах все, что происходило на сцене Ковент-Гардена, казалось скучным. Слухи о его похождениях сделались грешным удовольствием, которому предавались во время чаепитий в самых утонченных гостиных Лондона. Изабель прислушивалась к каждому слову, наслаждалась каждой историей, хотя старательно изображала точно такое же негодование и безразличие, как и любая другая уважаемая леди, но пальцы ног, спрятанные в туфлях, сами поджимались от восторга.

Под светло-вишневым шелком маски Изабель зажмурилась и улыбнулась, не сдерживая больше течение восхитительно порочных мыслей. Эти плечи... то, как он двигается... все это такое...

– Мы знакомы?

Она распахнула глаза. Маркиз Блэквуд стоял прямо перед ней.

Находясь так близко, он оказался выше, шире в плечах, опаснее и мужественнее, чем предполагала Изабель. Ее сердце пустилось быстрой рысью, ее окатило жаром с головы до ног. Изабель торопливо огляделась, но, к счастью, на них никто не обернулся.

– Вы смотрели на меня, – добавил он, не обращая внимания на то, что она слишком ошеломлена, чтобы вымолвить хотя бы слово. Его низкий, чувственный голос звучал игриво, задевая некую туго натянутую струну у нее внутри. Изабель чувствовала себя так, словно он застал ее голой.

На губах маркиза Блэквуда играла легкая усмешка. Изабель уставилась на ямочку у него на подбородке. Его губы изогнулись еще сильнее, и она поняла – он догадался, что привлекает ее. Понимающий взгляд из-под его маски устремился на ее широко открытый рот, на губы, накрашенные греховным алым в соответствии с маскарадным костюмом.

Изабель сомкнула губы и взяла себя в руки. Он не мог ее узнать, ведь они не были знакомы. Маркиз ни разу даже не взглянул в ее сторону на тех нескольких светских мероприятиях, на которых они оба присутствовали. Чопорная и уважаемая вдова, Изабель совершенно не относилась к типу женщин, которые ему нравились.

Ей приходилось соблюдать строжайшие правила, предусмотрительно перечисленные в завещании покойного мужа, за выполнением которых бдительно следила свекровь. К счастью, Онория презирала костюмированные балы, поэтому ее тут не было. Кроме того, пусть свекровь распоряжалась ее жизнью, она не могла управлять ее мыслями, поэтому Изабель позволяла себе мечтать о том, чего не могла совершить в реальности.

Но грешные мысли достаточно безобидны, а сейчас Финеас Арчер стоит прямо перед ней и усмешается, ждет, когда она что-нибудь произнесет.

– Я... – Изабель сглотнула, лихорадочно размышляя. Следовало бы бежать отсюда, не сказав больше ни слова, но возможность остаться просто захватывала. Какой вред будет от того, что она пофлиртует несколько минут с красивым повесой, пока его внимание не привлечет кто-нибудь еще?

И сколько времени прошло с тех пор, как Изабель видела заинтересованный взгляд джентльмена, подобный этому? Муж умер два года назад, но и до этого... Изабель прикусила губу.

Может быть, это ее единственный шанс пофлиртовать, почувствовать себя привлекательной и желанной. Кто узнает, если она позволит себе насладиться несколькими минутками, купаясь в теплом свечении такого невинного удовольствия? Да дюжины дам флиртуют! Почему она не может?

Изабель расправила плечи, посмотрела ему в глаза и позволила себе побыть дерзкой благодаря своей анонимности.

– Нет, сэр, мы не знакомы. Но разве не в этом смысл бала-маскарада? Наслаждаться тайной, не зная, с кем ты разговариваешь, пока не снимут маски?

Маркиз негромко засмеялся, и этот низкий соблазнительный звук словно щелкнул по ее нервам, уже и так натянутым до отказа.

– Но разве снятие масок – это самое большое разочарование вечера? – отозвался он. – В полночь мы будем поздравлять друг друга с удачными костюмами, не испытывая при этом ничего, кроме огорчения, потому что Клеопатра превратится в леди Дамрипл, затянутую в тугий корсет и слишком сильно накрашившуюся. Я бы сказал, что лучше остаться в масках. Более интригующе.

Его взгляд скользил по ней, неторопливо осматривая ее с головы до ног, и Изабель пришлось заставить себя стоять спокойно. Соски под шелковой туникой напряглись.

– Ваш костюм – это настоящий триумф, миледи, если мне будет позволено так выразиться. Не думаю, что я видел что-либо подобное раньше.

Изабель погладила отворот своего длинного, облегающего тело турецкого камзола из дамаста, скромно скрывающего от шеи до икр текучий шелк туники и мешковатых гаремных шаровар. От этого движения негромко зазвенели крохотные колокольчики, пришитые под кромкой камзола. Рядом с маркизом она ощущала себя хорошенькой и даже желанной, что было редким для нее чувством. По ее жилам словно бежали опьяняющие пузырьки шампанского.

– Благодарю, милорд, но должна отметить, что ваш костюм не отличается оригинальностью.

На обычный вечерний костюм он надел черное домино и простую маску, правда, явно приложил некоторые усилия, прицепив изрядно украшенный старинный меч. Оружие лежало на бедре, подчеркивая рост маркиза, а рукоять и ножны сверкали инкрустированными драгоценными камнями.

Маркиз поклонился.

– И в самом деле. Разумеется, вы совершенно правы, но я решил посетить этот бал в самый последний момент и одолжил домино и маску у одной хорошо мне знакомой актрисы. Меч – наша семейная реликвия. Я снял его со стены, прицепил и приказал кучеру везти меня сюда. – Он снова сверкнул своей плутовской улыбкой. – И теперь рад, что сделал это.

Изабель улыбнулась в ответ, зная, что маска скрывает не только ее лицо, но и вспыхнувшие щеки, а вышитые туфли надежно прячут снова подогнувшиеся от восторга пальцы ног.

– Полагаю, мне следует пригласить вас на танец? Или же вы хотите бокал лимонада, или... – маркиз склонился над рукой Изабель и поднес к губам, не отрывая от нее взгляда, – ...может быть, прогулку по саду?

Даже для такой ведущей уединенную жизнь вдовы, как Изабель, смысл его слов были предельно ясен. Она читала его в пылком взгляде, обжегшем ее под маской, в медленных круговых движениях его большого пальца по ее ладони, которую он еще раз поднес к губам.

Изабель вырвала руку и позволила себе побыть еще более дерзкой.

– Сэр, должно быть, вы приняли меня за кого-то другого! Если бы вы хоть что-нибудь знали обо мне, то поняли бы, что лимонаду я предпочитаю шампанское, а прогулка по саду не даст вам возможности украсть поцелуй. Во время балов и приемов сад леди Эвелин освещается особенно хорошо, чтобы не допустить подобных вольностей.

Она увидела в его глазах одобрение своему остроумию, оно согрело каждый дюйм ее облаченного в шелк тела.

Блэквуд подал ей руку.

– В таком случае давайте поищем шампанское, а потом... – Он нагнулся и прошептал ей на ухо; голос его щекотал, а слова возбуждали: – А потом мы попробуем потушить несколько факелов в саду.

От этого шепота по ее спине пробежала восхитительно приятная дрожь. Изабель следовало бежать под крылышко разумного и в высшей степени нравственного общества леди Эвелин. Или извиниться и удалиться в дамскую комнату, чтобы снова прийти в себя. Но она не сделала ни того ни другого.

Сегодня ей хотелось быть кем угодно, только не Изабель, старомодной вдовствующей графиней Эшдаун, женщиной, на которую ни один мужчина в жизни не посмотрел так, как смотрел сейчас Блэквуд. Это было опасно, это возбуждало, и этому невозможно было сопротивляться.

Изабель положила ладонь на превосходную тонкую шерсть его рукава, кинула на него соблазнительный взгляд, давая понять, что такие поступки для нее обыденны, и позволила увести себя в неизвестность.

Глава 2

Финеас совершенно не представлял, кто эта леди и почему она стоит, как часовой, в затененном дверном проеме, ведущем в кабинет Филиппа Реншоу.

Всех остальных женщин в зале он знал. Собственно говоря, он, вероятно, сумел бы угадать каждую из них даже в полной темноте, если бы возникла такая необходимость, – просто по прикосновению, запаху или вкусу.

Финеас целый час дожидался, чтобы она ушла оттуда и дала ему возможность сделать то, ради чего он пришел, – обыскать кабинет, но она стояла на месте и следила за ним из своего угла, причем словно ласкала его взглядом.

Она ничем не походила на женщин, обычно вызывавших его интерес. Ему нравилось, чтобы в постели с ним оказывались дамы, пользующиеся такой же дурной славой, как и он сам, желательно замужние, чтобы избежать риска запутаться в долгосрочных отношениях. В этой женщине чувствовалась сдержанность, делавшая ее неотразимой.

Она отвлекала его внимание, что ему сегодня было совсем не нужно, но проигнорировать ее он не мог, поскольку она стояла у него на пути.

Финеас снова оглядел ее. Ее наряд был потрясающим, даже несмотря на то, что скрывал все тело. Более того, имелся высокий воротник и целый ряд строгих крохотных перламутровых пуговиц, плотно застегивающих тунику, так что соблазнительные пышные груди были надежно спрятаны под многослойной тканью. Это одеяние словно предназначено для того, чтобы отпугивать самые стойкие попытки добраться до ее тела, и у Блэквуда руки зачесались от желания попробовать.

И дело не только в уникальности костюма, а еще и в том, как леди в нем выглядит, как плавно и легко движется, создавая впечатление, что она некоторым образом более женственна и более притягательна, чем любая другая женщина в бальном зале.

Из-под полумаски без напускной стыдливости сверкали глаза, однако и они не давали и намек на то, кто она такая. Даже волосы были полностью спрятаны под вышитую шапочку и вуаль, и Блэквуд не мог догадаться, какого они цвета. Накрашенные губы подвижны и выразительны, и Финеаса обуяло желание попробовать их на вкус, однако он даже не мог сказать, красива она или нет. Нет, он совершенно уверен, что не знает ее, но очень хочет познакомиться.

Очень – и сразу по нескольким причинам.

Они стояли, попивая шампанское из высоких хрустальных бокалов и откровенно флиртуя под видом ленивого добродушного подшучивания. Это заставляло Финеаса попотеть, но все же он был мужчиной, умеющим выжидать и использовать любые средства, чтобы соблазнить женщину. Он не сомневался, что получит то, чего хочет, еще до окончания вечера – и прелести очаровательной леди, и ее имя, если, конечно, окажется, что она стоит его дальнейшего внимания.

– Смотрите-ка... Цезарь – это сэр Джон Анвин, вам не кажется? – спросил он.

– В самом деле, но леди, что с ним танцует, – это не его жена. Я очень хорошо знаю

Примроуз Анвин, – колко ответила она.

– И я тоже, – протянул Блэквуд. Она кинула на него короткий взгляд, вспыхнула и снова потупилась, едва он усмехнулся. Значит, это вовсе не опытная кокетка. Положение становилось все интереснее. – Полагаю, с Анвином танцует Давина Сент-Клер, хотя она, вероятно, понятия не имеет, что ее Цезарь – это Анвин, – продолжал Блэквуд. Он бы узнал родинку в форме сердечка на роскошной груди Давины где угодно, а глубокий вырез костюма почти не скрывал ее прелестей. Анвин не спускал глаз с этой родинки.

Собеседница восхищенно взглянула на Блэквуда.

– Право же, милорд, полагаю, у вас в запасе слухов больше, чем за любым чайным столом, где сидят самые главные светские сплетницы!

– Возможно, но должен сказать в свою защиту, что секреты я тоже хранить умею, леди... гм... как мне следует вас называть, моя дорогая? – осведомился он.

Она склонила голову набок, размышляя и поджав губки так, что Финеас почувствовал мгновенное возбуждение.

– Полагаю, Ясмину подойдет. Имя как раз к моему костюму. – Назвавшись этим экзотическим именем, она взглянула на маркиза с игривой усмешкой, которую он расценил как вызов. – А как называть вас, милорд?

Финеас ухмыльнулся:

– Я могу придумать множество имен, но раз уж у меня такой жалкий костюм, предлагаю обращаться ко мне моим собственным. Я...

Прежде чем он успел его произнести, она прижала пальчик к его губам. Для этого ей пришлось подойти ближе – настолько близко, что она едва не прижалась к нему. Блэквуд напрягся. Он мог бы обхватить ее за талию, распахнуть дверь и увлечь леди в кабинет Реншоу будто бы для соблазнения. К этой уловке он частенько прибегал раньше. Но тут Блэквуд учуял аромат ее духов – легкий, сладкий, экзотический, и охватившая его похоть вышибла из головы все до единой мысли.

– Только не настоящее имя, сэр! Это разрушит интригу, – предостерегла его леди. Ее пальчик у него на губах был нежным и прохладным. Блэквуд поймал ее запястье и, не отводя от нее взгляда, легонько лизнул этот изящный пальчик – легкая, влажная, чувственная ласка. Он увидел, как ее губы разомкнулись, как она прикусила белыми зубками нижнюю губу. Ее глаза на мгновение закрылись, и Блэквуд заметил, как пылко поднимается и опускается ее грудь.

Если такое могло сделать одно короткое прикосновение, одно движение языком... Блэквуд почувствовал, как напряглось его тело, и с трудом подавил стон. Он перевернул ее ладонь и прикоснулся языком к ее запястью, наслаждаясь тем, как резко она втянула в себя воздух.

– Называйте меня, как пожелаете, миледи... Ланселот, или Тристан, или Ромео. Подойдет любое имя. – Его пылающий из-под маски взгляд словно вонзался в ее глаза. – Я к вашим услугам и буду тем, кем вы пожелаете видеть меня сегодня вечером.

Изабель ошеломленно смотрела на него. Комната качалась и вращалась. Она видела только его, ощущала жар, исходивший от его взгляда и тела: она просто плавилась от желания. Наверняка это лишь сон, ей предстоит проснуться в траурных вдовьих одеждах в Мейтленд-Хаусе, и Изабель поймет, что все это ей только приснилось.

Она не решалась отвести взгляд, боялась, что Блэквуд растворится в тумане и оставит ее одну дрожать в холодном разочаровании реальности.

Кто-то, проходя мимо, задел ее, и чары рухнули. Изабель опустила взгляд на их соединенные руки, выдернула свою и стиснула горящие кончики пальцев. Затем собралась с силами и посмотрела на его подбородок.

– Я знаю, – весело отозвалась она, пытаясь обратить опасную ситуацию в шутку. – Я буду звать вас Томас. Когда-то у меня жил кот по кличке Томас, очень общительный, если проявить к нему внимание, но в нужный момент он умел дипломатически исчезать.

Безусловно, это описание очень подходило Блэквуду.

Тот нахмурился.

– Вы хотите назвать меня, как кота? Вам следует знать, что я терпеть не могу животных, да и мое расположение нельзя завоевать обедами со стола, милостиво сброшенные с тарелки, леди Ясмина.

Изабель взяла со стола бокал с шампанским и пригубила. Рука ее дрожала, искрящееся вино не могло успокоить нервы. Разве она оскорбила его? Впрочем, какая разница? Это всего лишь анонимный флирт. Из-под маски можно сказать все, что угодно.

Дерзко взглянув на него, Изабель поддразнила:

– И какова ваша цена, милорд?

Блэквуд наклонился и прошептал ей на ухо:

– Вы целиком, миледи, и на меньшее я не согласен.

Ее тело затрепетало: она словно вынырнула из глубины. Умудрившись выдать смешок, Изабель попыталась вернуться к легкому обмену шутками, чтобы обрести хоть какой-то контроль над ситуацией.

– Если хотите знать мое мнение, так большинство джентльменов из общества живут, как бродячие коты. Спят целыми днями, гуляют ночами, дерутся за мышей и женщин. Их превосходный мех очень важен для них, они равнодушные отцы и невнимательные любовники.

Блэквуд склонил голову набок и улыбнулся, как кот, широко и неторопливо. Она заметно нервничала, и этот взгляд не сулил пощады.

– Совсем напротив, милая. Я очень, очень внимательный любовник, – промурлыкал он.

Да помогут ей небеса, она пропала! Может быть, виновато шампанское. Может быть, ее наряд. А может, его близость, от которой останавливается сердце, исходящий от него жар или слабый аромат дорогого мыла, хорошей шерсти и мужской кожи. А может быть, это ее желание почувствовать себя любимой, пусть даже только на одно мгновение. Что, если это ее единственный шанс?

– Докажите, – подзадорила его Изабель.

В следующее мгновение его рука подхватила ее под локоть, и Блэквуд с отчаянной спешкой повлек ее сквозь костюмированную толпу к открытым дверям в сад.

Он не произнес ни слова, как и Изабель, хотя и знала, куда он ее ведет и что намерен сделать, когда они туда доберутся. Следовало отказаться или вырваться, нет – бежать прочь до того, как она совершит что-нибудь, о чем потом пожалеет, но Изабель шла с ним по освещенной факелами дорожке элегантного сада леди Эвелин.

Они дошли до небольшого китайского павильона, расположенного у рыбного пруда. Блэквуд отпустил ее на минутку, чтобы схватить ближайшие факелы, вытащить их из земли и швырнуть в пруд, где они и погасли с протестующим шипением, оставив парочку в глубокой бархатной тьме.

Блэквуд тотчас же оказался рядом, невидимый, его руки обнимали Изабель, его рот, голодный и требовательный, впился в ее губы. Она отвечала на поцелуи, их языки боролись и сплетались, словно она делала это тысячу раз, словно давно привыкла к сексуальным приключениям в темных садах.

Он оторвал ее от земли, все еще целуя, и понес в павильон. Ей было слишком хорошо, чтобы останавливаться, и Изабель покорилась, прижимаясь к его твердому телу, ощущая его вождение, позволяя ему разжечь ее собственное желание.

Когда они вошли, какая-то ночная птица испуганно вскрикнула и улетела в ночь, громко хлопая крыльями. Изабель ахнула, не сомневаясь, что они попались, но Блэквуд прильнул к ее губам, уложив на обитую мягкой тканью скамью.

Святые небеса, только на прошлой неделе она пила чай с Эвелин на этой самой скамье. Во вторник? Изабель не могла вспомнить, да и какая разница? Блэквуд уже расстегивал пуговицы на ее кафтане, обнажал ее тело, подставляя ее прохладному ночному воздуху и божественному теплу его ладоней.

Он целовал ее, ее руки запутались в ткани его рубашки, притягивали его ближе, ближе, Изабель жаждала большего. Его рот такой горячий, такой сладкий, она не могла вообразить

ничего более восхитительного, чем этот поцелуй. Изабель бы не смогла перестать целовать его, даже если бы захотела. Он ее одурманил, опьянил и околдовал.

Блэквуд скользил губами по ее шее, расстегивая жемчужные пуговицы, чтобы добраться туда языком и зубами. Изабель с трудом поспевала за ним, теребя неопытными дрожащими пальцами его галстук, пытаясь раздеть его, пока он проделывал это с ней.

И сдалась со вздохом, когда Блэквуд распахнул ее кафтан, отодвинул в сторону тонкую шелковую тунику и втянул в свой жадный рот ее сосок. Это вытеснило остатки ясных мыслей из головы Изабель. Она хотела его, его всего, и прямо сейчас.

Пусть Блэквуд пользующийся дурной славой повеса, проделывавший это тысячу раз с тысячьо женщин, но сейчас он принадлежит ей. И только ей, весь целиком. Изабель чувствовала прилив сил, распалаяющий желание, она извивалась под ним, стонала и бормотала непристойности.

Она шарила руками по его спине, пока не нашла место, где рубашка была заправлена в бриджи. Изабель потянула, желая почувствовать под руками его кожу, и мельком удивилась, куда делись его плащ и сюртук, но все это не имело значения. Должно быть, это магия. Она никогда не чувствовала себя так раньше, не была такой распутной и безрассудной. Изабель хотела получить удовольствие прямо сейчас, и она его получит.

Ее руки добрались до его тела и начали исследовать влажный шелк его кожи, завораживающую игру мускулов. Его тело было чудесным, настоящим мужским совершенством. Аромат его кожи окутывал ее, опьяняя куда сильнее, чем шампанское.

Изабель прижалась губами к его груди, стремясь попробовать его на вкус, но ей мешала рубашка, запутавшаяся в бриджах, да еще и меч по-прежнему висел у него на бедрах. Ткань зацепилась за старинный драгоценный камень в рукоятке и страшно мешала. Изабель в смятении пробормотала что-то. Она чувствовала, как его сердце бьется у нее под губами, его дыхание со свистом вырывалось из груди, а мускулы напряглись от удовольствия. Изабель отыскала его сосок и легонько прикусила его, потом всосала твердый бугорок через ткань рубашки и услышала, как он ахнул.

Она дерзко проникла рукой ему в бриджи и погладила крепкие ягодички. Его бедра напряглись еще сильнее, и Изабель ощутила, как твердое естество вжимается в ее тело. Даже через слои одежды это было восхитительно. Она мягкая там, где он твердый, поддается там, где он наступает. Изабель раздвинула ноги, обхватила его, приветствуя давление, наслаждаясь им. Блэквуд возился с мечом, сыпал проклятиями, пытаясь его отстегнуть, но у него ничего не получалось. Зарывав, он просто оттолкнул меч, по-прежнему висевший на ремне, в сторону. Тот ударился о скамью в такт их ритмичным движениям.

Изабель умирала от желания. Она опустила руку между их телами, пытаясь просунуть ее в его бриджи, но ей опять попался меч. В отчаянном нетерпении Изабель никак не могла вспомнить, как расстегиваются пуговицы и пряжки, знала только, что должна немедленно прикоснуться к нему, почувствовать его без этой дурацкой преграды в виде его одежды.

Изабель дернула, и пуговицы застучали по деревянному полу павильона. Затем она рывком распахнула ткань, оттолкнула проклятый меч, теперь хлопающий по его обнаженным бедрам, отыскала восставшее мужское естество и сжала его, горячее, бархатное, в руке, ощущая пульсацию. Блэквуд застонал и ткнулся ей в ладонь, втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Он сосал ее грудь, бормоча что-то неразборчиво, руки его исследовали изгибы ее тела, отыскивая чувствительные места, о существовании которых Изабель до сих пор даже не догадывалась. Она выгнулась навстречу, потянувшись к нависшей над ней твердой жаркой тени.

– Войди, – пробормотала она. – Войди в меня.

Блэквуд поцеловал ее в губы и улыбнулся, чувствуя, как тяжело она дышит.

– Еще рано, милая, – ответил он и негромко засмеялся, услышав ее стон и почувствовав ее беспокойное дыхание. Изабель пылала и жаждала немедленного удовлетворения.

Блэквуд продолжал посасывать ее сосок раздражающе неторопливо. Она застонала, желая, чтобы это продолжалось вечно, но он переключился на второй. Ночной ветерок охлаждал разгоряченную кожу Изабель. Она ахнула, когда он втянул чувствительную плоть в свой жаркий невероятный рот.

Изабель впиалась ногтями в его плечи, пытаясь притянуть его к себе. Она больше не могла говорить. Его рука скользнула по ее телу и с опытной легкостью нырнула под завязки свободных панталон. Изабель опять заерзала – его ладонь с приводящей в бешенство неспешностью скользнула по животу, по бедрам и погладила завитки. Сводя ее с ума, Блэквуд задержался над местом, где она жаждала ощутить его сильнее всего. Он дразнил и изводил ее. Изабель беспомощно приподняла бедра, впиалась в его рот, кусала и сосала его губы и язык, слыша, как его дыхание переходит в стоны едва сдерживаемого желания.

Ее рука снова отыскивала его естество. Она впервые в жизни исследовала мужское тело, совершенно не сдерживаясь. Из него вытекла липкая жидкость. Изабель потерлась бедром о головку, и Блэквуд опять начал тяжело дышать. Его пальцы все еще порхали, едва прикасаясь к деликатным губам ее естества, лаская ее чересчур нежно, а она жаждала давления и трения.

И когда желание сделалось невыносимым, Блэквуд прикоснулся к ней. Его пальцы нашли местечко, где она нуждалась в них сильнее всего. Изабель выгнулась дугой и закричала, но к этому он был готов. Блэквуд заглушил ее крик, накрыв ее рот своим, и продолжил обводить пальцами неистовый влажный бутон, доводя ее до безумия, до такого абсолютного наслаждения, без которого, как ей казалось, можно просто умереть – или же умереть от него. Изабель хотела только, чтобы он никогда не останавливался.

Блэквуд ввел в нее пальцы и принялся ее ласкать, пока Изабель не поняла, что больше не выдержит. Она вцепилась во влажную смятую ткань его рубашки и только всхлипывала.

И тогда он устроился поудобнее и вошел в нее. В это же мгновение Изабель воспарила еще выше, она дрожала, обволакивала его, затягивала его в себя. Ей казалось, что она парила целую вечность, а едва начинала опускаться на землю, как новый сильный толчок возвращал ее обратно на небеса.

Когда Блэквуд застонал и в последний раз вошел в нее, Изабель чувствовала себя истощившейся, обессиленной и насытившейся наслаждением.

Он обнимал ее, пока они восстанавливали дыхание, и нежно ласкал, накрыв обоих своим плащом, чтобы прикрыть разорванную одежду и не дать холодному ночному воздуху остудить ее разгоряченную, влажную от пота кожу. Блэквуд приподнял ее подбородок и повернул к себе ее голову, чтобы нежно поцеловать. Движения его были неторопливыми, медлительными и просто восхитительными. От его пальцев пахло ее естеством. Его опытный язык снова возбуждал в ней желание вопреки всему. Изабель вздохнула и потерлась об него бедрами.

– Предлагаю на остаток ночи найти более уединенное место, – пробормотал Блэквуд ей на ушко, покусывая мочку.

Внезапно Изабель будто окатило холодной водой. Она оттолкнула его. Блэквуд скатился с узкой скамьи и рухнул на пол, изумленно охнув и снова запутавшись в ремне и мече. Изабель лихорадочно завязывала ленты на панталонах, затем начала искать на темном полу кафтан, туфли и маску. В ужасе кинула она взгляд на Блэквуда, все еще неподвижно сидевшего на полу павильона. Он, конечно, озадачен, но ей необходимо уходить. Если ее тут застанут... Изабель зажмурилась.

– Может быть, нам уже пора сорвать маски? – произнес Блэквуд с пола. – Я Финеас Арчер. – Изабель была слишком растеряна и слишком занята, возясь с одеждой, чтобы отве-

тить. – Ну? Разве вам не кажется, что после случившегося нам следует по всем правилам представиться друг другу? – поторопил ее он.

– Нет! – выдохнула Изабель. – О Боже мой! Этого вообще не должно было случиться!

В темноте она никак не могла найти вторую туфлю, а громыхание меча предупредило, что Блэквуд поднимается с пола.

Перепугавшись окончательно, Изабель схватила единственную найденную туфлю и босиком помчалась по выложенной камнем дорожке так быстро, словно ее догонял сам дьявол. Блэквуд не стал ее окликать. Она нырнула в тень рядом с домом и дрожащими руками начала поправлять костюм, чувствуя, как поет все тело после занятий любовью. Изабель торопливо натянула маску, вошла в бальный зал и поманила лакея, чтобы он подогнал ее карету.

Финеас послушал удаляющийся звон колокольчиков на ее костюме и снова занялся одеждой, только раз споткнувшись о проклятый меч. Эротическое приключение закончилось слишком быстро, но было еще не поздно, он вполне мог вернуться в дом и найти то, за чем сюда пришел. Больше никто не помешает ему войти в дверь кабинета.

Он едва не расхохотался вслух, обнаружив, что не сможет застегнуться, так как все пуговицы на бриджах оторваны. Кем бы она ни была, это самая страстная женщина из всех, кто ему до сих попадался. В отличие от большинства его любовниц она вела себя просто-душно, стремилась ублажить его и получить удовольствие сама. Финеас бы вообще назвал ее невинной, да только невинные леди не допускают, чтобы их соблазнили в темном саду, в то время как более двух сотен гостей находятся буквально в нескольких шагах. И все же, несмотря на ее маскарадный костюм и анонимность всего случившегося, он не почувствовал в ней ни капли фальши.

Блэквуд усмехнулся в темноту. Сегодняшняя миссия осталась невыполненной, и лорд Реншоу временно сохранит свои тайны. Жаль, что она не задержалась еще немного. Стоило только о ней подумать, и он снова возбудился, и восставшее мужское естество с надеждой вырвалось наружу сквозь прореху в бриджах.

Ясмина. И это все, что у него есть, – придуманное имя. Он покачал головой, все еще ошеломленный, и начал шарить по темному павильону в поисках плаща и сюртука. Обычно, выполняя работу, Финеас не отвлекался с такой легкостью, но эта леди оказалась исключительно привлекательной.

Он легко отыскал предметы одежды, но вот с пуговицами пришлось повозиться. Если садовник или какой-нибудь гость найдет одну пуговицу, вряд ли он оповестит о ней окружающих, но шесть разбросанных пуговиц в таком укромном месте неизбежно вызовут скандал. Финеас Арчер был большим специалистом по избежанию скандалов. Разумеется, за исключением тех случаев, когда хотел, чтобы его поймали.

Он отыскал пуговицы и затолкал их в карман. Затем накинул плащ, прикрыв прореху в бриджах, повернулся и едва не упал, споткнувшись обо что-то. Это что-то отлетело в сторону и с едва слышным звоном ударилось о стену. Блэквуд поднял вещицу и поднес к свету. В руках он держал дамскую туфлю, изящную, расшитую жемчугами, с загнутым носком, с которого свисал колокольчик.

Финеас затолкал в карман свой сувенир, небрежно направился к боковой калитке, как бывалый повеса, за которого его принимали, и выскользнул на Брук-стрит, где его ждала карета.

Глава 3

На следующее утро Финеас приоткрыл один глаз, услышав, как камердинер с тихим шорохом ходит по его спальне. В одной руке Барридж держал порванные бриджи, в другой пуговицы. Экзотическая туфелька лежала на столе.

– Я не рассказываю сказки, Барридж, поэтому лучше ни о чем не спрашивай, – произнес Финеас.

Камердинер усмехнулся:

– Нет, милорд, разумеется, нет, но бьюсь об заклад, сказка могла бы получиться очень интересной.

– Не важно. Я ждал тебя, чтобы ты привел меня в порядок.

Брови камердинера взлетели вверх, под аккуратно причесанные волосы.

– Мои извинения, милорд, я не знал, что нужен вам. Разумеется, я в любую минуту готов к вашим услугам, достаточно просто позвонить, – многозначительно добавил он и сосредоточенно начал складывать порванные бриджи. Финеас не сомневался, что тот прячет насмешливую ухмылку. Вероятно, Барридж решил, что хозяин так напился, что не сумел отыскать чертов звонок.

Блэквуд провел годы, создавая репутацию лучшего распутника Лондона, и теперь даже собственные слуги в это верили. Иногда это чертовски раздражало. Он играл свою роль настолько искусно, что уже и сам толком не понимал, которая половина его личности является настоящим Финеасом. Кто он: развратник, игрок, соблазнитель юных и пожилых дам – или все еще порядочный человек, которому пришлось выполнять для короны грязную работу?

Финеас досадливо откинул одеяло и неуклюже сел. Глаза Барриджа расширились, он с трудом сдержал смех, сделав вид, что закашлялся, и Финеас сердито сверкнул на лакея глазами.

– Просто сними его с меня. Он докучает мне уже давным-давно!

Барридж тотчас же подскочил и попытался расстегнуть пряжку, удерживавшую меч на бедре Финеаса, повозился несколько минут и поднял виноватый взгляд.

– Простите, сэръ, но она держится очень крепко. Может быть, немного заржавела. Позвать мистера Крейна?

Финеас сердито дернул ремень. Последнее, что ему сейчас требовалось, – это суровая рожа дворецкого, заставшего его в таком виде и сразу подумавшего о самом худшем.

– Нет. Сначала я оденусь, а потом сам найду Крейна.

– Да, милорд. Что вы наденете? Собираетесь сегодня утром выходить куда-нибудь? Может быть, покататься верхом в парке? – спросил лакей, подходя к гардеробной.

– Да, – буркнул Финеас, все еще дергавший меч. – Хотя если подумать, то нет. По крайней мере не раньше, чем сниму эту чертову штуку.

Полчаса спустя он уже находился в салоне, одетый в желтовато-коричневые бриджи, начищенные до блеска гессенские сапоги и накрахмаленную белую льняную рубашку. От сюртука пришлось отказаться, чтобы слуги смогли помочь ему снять меч, прицепившийся к нему, как страстная любовница, не желающая получить отставку. Крейн сдался после того, как двадцать минут унижительно дергал и крутил меч, и предложил послать за садовником. Тот явился, вооруженный поразительным набором инструментов.

Финеас притворялся, что читает газету, и всячески старался сохранить достоинство, в то время как слуги ползали рядом с ним на коленях, пытаясь освободить хозяина от меча. Если бы предок, владевший когда-то этим оружием, еще был жив, Финеас проткнул бы его